

□ Это не из-за алкоголя □

— Ты хочешь сказать, что проблема возникла из-за того, что я солдат?

Мне было трудно согласиться с утверждением, что я был выдающимся солдатом, и я не мог понять утверждения о том, что проблема возникла просто потому, что я был солдатом.

Лирия прищёлкнула языком и погрозила мне пальцем.

— Нет. Не только потому, что ты солдат, но и потому, что ты очень необычный солдат. Например, если бы монстр вторгся в эту комнату прямо сейчас, Грэхем нисколько бы не удивился и немедленно убил монстра, верно?

Я слегка кивнул.

Я бы не был совсем уж удивлён. Было бы почти невозможно, чтобы неконтролируемый монстр появился в Академии.

Однако, если бы не эта мысль, моё тело мгновенно отреагировало бы на вторжение монстра. Точно так же, как это было в течение последних двадцати лет.

— Почему?

— Почему, спрашиваешь? Ну...

— Потому что ты постоянно настороже, даже сейчас?

Она попала в самую точку.

И это было не потому, что я опасался Профессора Лирию. Я был таким с тех пор, как вошёл в эту комнату, и даже до того, как вошёл в общежитие Красного Граната.

Для меня это было как профессиональное заболевание.

— Сначала я подумала, что ты просто нервничаешь из-за того, что вошёл в женскую комнату. Я думала, что для Грэхема, как для мужчины, было естественно осознавать это. Но чем больше я наблюдала, тем больше мне казалось, что причина была не в этом. Итак, я подумала о других причинах.

Профессор Лирия, возможно, из-за алкоголя, говорила более небрежно, чем обычно.

— Прислонялся к стене — это потому, что ты пережил много неожиданных нападений сзади. Держать в поле зрения как вход, так и окна — значит обезопасить путь к отступлению в любое время. Сканируешь помещение, как только вошёл, чтобы проверить, нет ли каких-либо опасных вещей... я права?

— Ты довольно подробно излагаешь мои действия.

— Я учитель как по тактике, так и по истории, понимаешь? Вот так я стала хорошо разбираться в войне. Я, естественно, знаю, как меняются люди, пережившие войну... даже если я не хочу этого знать.

Говоря это, Профессор Лирия отхлебнула из своего бокала с вином.

— Причина, по которой ты так строг к своим ученикам во время занятий, потому что ты видел, как много детей погибло на поле боя?

Я медленно кивнул головой в ответ на её вопрос.

Было ли это только потому, что я это видел?

Я был тем, кто испытал это на собственном опыте.

Всего в четырнадцать лет мне дали оружие, которое едва ли можно было назвать таковым, и доспехи, которые едва ли напоминали броню. Меня бросили в бой всего после нескольких недель базовой подготовки, которой было крайне недостаточно для выживания.

Моё сильное тело, которому не было равных в деревне, не шибко помогало на поле боя. Не было никого, кто мог бы научить меня, как стать сильнее и выжить.

Все были слишком заняты, пытаясь спасти свои собственные жизни на передовой против монстров. В ситуации, когда было трудно даже защитить себя, никто не стал бы утруждать себя заботой о ребёнке, который вскоре должен был умереть.

Если бы не Шарлотта, я бы умер несколько раз за те дни.

Даже после того, как я стал сильнее, мало что изменилось. По мере того как я становился сильнее, становились сильнее и враги, с которыми мне приходилось сталкиваться. На жестоком поле боя, где небольшая ошибка или минутная беспечность могли стоить тебе жизни, мне пришлось научиться выживать с помощью собственного тела.

— Ты когда-нибудь терял любимого человека во время войны? — спокойно спросила Лирия, смягчив голос.

Я поставил пустой бокал из-под вина на стол.

— Давай на этом закончим.

В комнате воцарилась тишина.

Я почувствовал, как стынет кровь в моём теле.

Лицо Шарлотты было первым, что пришло мне на ум, но она была не единственным человеком, о котором я подумал.

Было время, когда у меня были люди, которых я мог назвать товарищами. Люди, которым я доверял и на которых полагался. Было бесчисленное множество людей, которых я хотел спасти, но не смог.

Профессор Лирия наклонилась вперёд и нежно положила свою руку на тыльную сторону моей ладони.

Её рука была такой маленькой и мягкой по сравнению с моей мозолистой и покрытой шрамами.

Она посмотрела на меня печальными глазами.

— Извини. Я не хотела будить болезненные воспоминания.

Я слегка покачал головой, давая понять, что всё в порядке.

Прошлое есть прошлое. Я уже решил не слишком заикливаться на том, что произошло.

Теперь я хотел перестать оглядываться назад и двигаться вперёд. Людям нужно смотреть вперёд, чтобы жить.

Что касается того, как это сделать, я всё ещё прикидывал.

— Возможно, я не знаю подробностей твоего опыта, Грэхем, но я уверена, что не весь он был хорош. Я понимаю, почему этот опыт заставил тебя ценить эффективность и выживание превыше всего остального. И я не хочу этого отрицать. Любой, кто прошёл через то, что прошёл ты, вероятно, почувствовал бы то же самое.

Профессор Лирия на мгновение заколебалась, прежде чем медленно продолжить.

— Но не все пережили войну. Это то, чего им никогда не следовало бы делать.

— Быть готовым к худшему — это не так уж плохо.

— Студенты не будут в полной мере осознавать необходимость этой готовности. Они могут понимать это интеллектуально, но не эмоционально. Они сами этого не испытывали.

— Разве это не моя работа — учить их этому? Нет?

Профессор Лирия медленно покачала головой.

— Я не могу судить, правильны твои методы преподавания или нет. В сфере образования нет однозначного ответа. Но...

— Но?

— Студенты могут почувствовать, что ты не ценишь их опыт.

Я был в растерянности, не находя слов.

Маркиз Кальштейн попросил меня научить студентов выживать. Я думал, что именно этим и занимался.

Нет ничего важнее жизни. Настаивать на использовании оружия, которое тебе не подходит, — верный способ умереть. Ненужные желания — это роскошь, когда речь заходит о выживании. Это система ценностей, глубоко укоренившаяся в моём сознании.

Я не мог понять действий Гвин.

Но это, вероятно, относилось и к Гвин. Она не испытала того, что испытал я.

Был ли я слишком сосредоточен на своём собственном опыте и не учёл того, что ценят студенты?

Нет, я думал об этом, но, возможно, я не думал, что это было важнее выживания.

Профессор Лирия говорила с нежной улыбкой в глазах.

— Ты когда-нибудь пытался выяснить, почему Гвин так ценит Каменный меч? Я думаю, ответ кроется именно в этом.

— ...Я поговорю с Гвин.

— Это всё, чего я хотела.

Похоже, Лирия верила, что честный разговор между Гвин и мной был необходим.

Но в ситуации того времени разговор с Гвин привёл бы только к параллельным линиям. Возможно, она хотела сказать мне, что необходимо понять точку зрения студентов.

Я всё ещё не знаю, что сказать. Но я готов попытаться понять.

Я произнёс самоуничижительным тоном:

— Мне ещё многому предстоит научиться.

— Грэхем, ты уже отличный учитель. Я уверена, что дальше будет только лучше.

Профессор Лирия говорила немного мечтательно, как будто была в состоянии алкогольного опьянения.

<http://tl.rulate.ru/book/89088/3028972>